

Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 5 (145). С. 53–58.
Izvestiya of Altai State University. 2025. No 5 (145). P. 53–58.

Научная статья

УДК 392.81

ББК 63.521(=632.2)

[https://doi.org/10.14258/izvasu\(2025\)5-07](https://doi.org/10.14258/izvasu(2025)5-07)

Об истоках обряда «Ыуыз коймағы» у башкир

Азалия Фаттаховна Илимбетова

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия,
ilimbetovazalia@mail.ru

Original article

On the Origins of the Yuyyz Koymagy Ritual among the Bashkirs

Azaliya F. Ilimbetova

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Centre of the RAS, Ufa, Russia,
ilimbetovazalia@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению широко распространенного в прошлом обряда у башкир угощать своих родных, близких и соседей блинами из молозива («Ыуыз коймағы») после отела коровы. В исследовании приводится описание широко распространенного культа Занке-баба — покровителя людей и хозяина крупного рогатого скота. Блины, изготовленные из молозива, прежде всего олицетворяли священную корову, тотемического первопредка — прародительницу. А поедание блинов из молозива в свете тотемической идеологии — это магический акт причащения древних людей тотемом, пережиток обряда интичиумы, способствующий, по их мнению, размножению тотемного животного, продолжению человеческого рода, повышению плодородия земли и возрождению природы. Подобные взгляды были характерны для самого широкого круга народов мира и имеют глубокие исторические корни. Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к вопросам выявления генетических корней тех или иных сюжетов и мотивов устного творчества, обычаев и обрядов башкир. Изучение народных традиций, обрядов и обычаев, связанных с реминисценциями почитания объектов органического мира, в частности коровы, в быту башкир, дает возможность воссоздать те или иные аспекты этнической истории башкирского народа.

Ключевые слова: башкиры, религиозно-мифологические воззрения, культ, корова, блины, молозиво, обычаи, обряды

Abstract. The article is devoted to the study of a once-widespread Bashkir ritual of offering their relatives, close friends, and neighbors yuyyz koymagy — pancakes made from colostrum — after a cow's calving. The study describes the widely practiced cult of Zanke-Baba, the protector of humans and master of cattle. Pancakes made from colostrum primarily symbolized the sacred cow, the totemic primordial ancestor. In the context of totemic ideology, the consumption of colostrum pancakes was a magical act of communion with the totem by ancient people, a remnant of the intichiuma ritual, believed to promote the proliferation of the totemic animal, the continuation of the human lineage, the fertility of the land, and the rejuvenation of nature. Such beliefs were characteristic of a wide range of people worldwide and have deep historical roots. The relevance of this study is determined by the growing interest in identifying the genetic roots of specific motifs and narratives in oral tradition, customs, and rituals among the Bashkirs. Examining folk traditions, rituals, and customs associated with the veneration of objects in the organic world — particularly the cow — within Bashkir daily life makes it possible to reconstruct various aspects of the ethnic history of the Bashkir people.

Keywords: Bashkirs, religious and mythological views, cult, cow, pancakes, colostrum, customs, rituals

Для цитирования: Илимбетова А.Ф. Об истоках обряда «Буыз коймағы» у башкир // Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 5 (145). С. 53–58. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2025\)5-07](https://doi.org/10.14258/izvasu(2025)5-07).

В последние годы в башкирской этнографии, религиоведении и фольклористике значительное внимание уделяется вопросам выявления генетических корней тех или иных сюжетов устного творчества, обычаев и обрядов башкир. Исследование мотивов, связанных с культом быка и коровы в семейно-бытовой обрядности башкир, нашли отражение в работах Н.В. Бикбулатова и Ф.Ф. Фатыховой [1], М.М. Сагитова [2], А.М. Сулейманова [3], Ф.Г. Хисамитдиновой [4], Р.А. Султангареевой [5] и других исследователей. В то же время надо заметить, что многие явления башкирской традиционной культуры все еще остаются вне поля зрения как этнографов, так и фольклористов. Настоящая работа посвящена определенному восполнению этого пробела.

В башкирской семейно-бытовой обрядности был широко распространен обычай угощать своих родных, близких и соседей блинами из собранного в течение первых трех дней молозива («Буыз коймағы») от только что отелившейся коровы (Баймакский, Бурзянский, Бураевский, Давлекановский, Хайбуллинский районы РБ, Кувандыкский район Оренбургской области, Глушицкий район Самарской области, Бардымский район Пермского края [6, с. 256; 7, с. 207; 8, с. 120; 9, с. 83; 10, с. 48]).

У некоторых этнографических групп башкир, в частности у гайнинцев Бардымского района Пермского края, молозиво использовали, когда пекли пироги и вареники. Сначала молозиво кипятили вместе со свежим молоком. Образовавшуюся творожную массу процеживали через мелкое сито, добавляли накрошенное вареное яйцо, солили. Подготовленную начинку клали на раскатанные кружки пресного теста на молоке и яйцах (размером с блюдце) и красиво загибали края. Сваренные большие вареники («буыз бөкмәһе») разрезали, приправляли маслом и подавали гостям. Иногда из молозива готовили шаньги («буыз шаңҗеһе») [8, с. 120]. Гости ели блины (вареники, шаньги) и пили чай с пожеланиями больших удоев от коровы, здоровья и плодовитости корове и теленку.

Пролить свет на суть обряда «Буыз коймағы» позволяет обращение к сходным традициям у других народов. Так, чуваша в первые три дня после отела коровы собирали молозиво, из которого готовили специальное блюдо, которым в первую очередь угощали божество *Хёртсурта* (покровителя домашнего очага), а потом ели сами и давали есть теленку [11, с. 72]. Ритуальное блюдо *овыз* фигурирует у касимовских татар. Его готовили из молозива, добавляя яйца, молоко, соль. Размешав эту смесь, разливали ее в горшки и ставили в печь. *Овыз* ели хозяева и их

For citation: Ilimbetova A.F. On the Origins of the Yuyyz Koymagy Ritual among the Bashkirs. *Izvestiya of Altai State University*. 2025. No 5 (145). P. 53–58. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2025\)5-07](https://doi.org/10.14258/izvasu(2025)5-07).

близкие родственники с пожеланиями благополучия скоту [12, с. 94]. В национальной кухне казанских татар имеется блюдо «Сыйыр теле» («Коровий язык») — оладьи, приготовленные из пшеничной муки и молозива [13, с. 92–93]. У тулвинских татар известен «Уыз пирог». Его пекли из молозива для праздника по случаю рождения теленка [14, с. 89].

Татары Большереченского района Омской области сразу же после отела коровы готовили из молозива специальное блюдо — лепешки *уыз*. На трапезу приглашали родственников, соседей и муллу. Мулла читал молитву, обращаясь к покровителю крупного рогатого скота Санге-баба с просьбой о благополучии для только что родившегося теленка. После молитвы устраивалось общее чаепитие, а мулла получал в качестве подарка яйцо [15, с. 149]. Хакасы после отела коровы проводили обряд «Пызо тойы» («Пир теленка»), на котором поливали теленка молозивом, делая белые полосы от головы до хвоста. Празднество завершалось угощением блинами, изготовленными из молозива [16, с. 57–58]. В Киргизии выдоенное после отела молозиво кипятили в котле и раздавали жителям деревни; молозиво, оставшееся на дне котла, выливали в ковш и подносили ко лбу теленка. Прикоснувшись три раза, произносили заклинание, заканчивавшееся словами: «Будь главой тысячи коров» [17, с. 299]. Приготовление из молозива ритуального блюда было распространено у казахов и туркмен [12, с. 94]. Праздник молозива «Тувыртыш пайрем» проводился у всех групп марийцев. Молозиво доили семь раз. Затем его смешивали с молоком и ставили томиться в печь. По этому же поводу пекли блины, пироги. К трапезе приглашали родственников и соседей. Они желали хозяевам, чтобы корова давала много молока и приносила приплод [18, с. 261].

Следы суеверного отношения к первому в сезоне молоку обнаруживаются и в бытовых традициях южнославянских народов. В Западной Болгарии, Сербии и Черногории из первого в сезоне сырого овечьего молока и размоченного в нем хлеба делали тюрю. Ее давали детям, которых собирали в определенном месте за селом. После того, как тюрю съедали, хозяйка поливала головы детей водой, чтобы обеспечить увеличение надоев овец. У южных славян первым молоком или первой свежей брынзой «кормили» усопших — выливали у могил на землю с целью заручиться их покровительством [19, с. 27].

Культ *Санге-баба* (варианты: *Зэнги-бабай* / *Занги-баба* / *Занги-ата*) как покровителя крупного рогатого скота в прошлом хорошо был известен народам Поволжья, Урала и Средней Азии [20, с. 36, 442].

Так, касимовцы в честь покровителя коров *Зэнги бабай* пекли оладьи из несоленого теста и помещали их под матицу хлева [15, с. 151]. Следы культа *Зэнки бабай* обнаруживаются в религиозных воззрениях тулвинских татар [14, с. 344–345]. Тарские татары Омской области, чтобы задобрить хозяина двора *Занги-баба*, совершали жертвоприношение — резали первого теленка («*тұлбашы*») от молодой коровы и его мясом угощали родню и почтенных стариков села [21, с. 183–184]. В религиозно-мистических воззрениях казахов *Зени-баба* выступает в ипостаси покровителя крупного рогатого скота и патрона людей, занимающихся скотоводством [22, с. 127]. У уйгур *Зинге-баба* считался покровителем пастухов. Культ *Зэнги-ата* как заступника пастухов крупного рогатого скота ярко представлен у узбеков Хорезмского оазиса [15, с. 150]. Под Ташкентом находится мавзолей суфийского шейха *Занги-ата* [23, с. 362–363].

Эти данные во многом подтверждают тезис А.К. Байбурина о том, что первым приготовленным продуктам приписывались (у восточнославянских народов) особые свойства. «Первое — доля богов и других представителей иного мира... — они используются почти исключительно в качестве жертвы» [24, с. 146–148]. В свете рассматриваемого нами обряда верное в целом замечание А.К. Байбурина требует уточнения: первое молоко (молозиво) — не только «для богов и других представителей иного мира», это и магический продукт, которым коллективно угощались (причащались) люди одной группы, родственники и соседи с целью увеличения продуктивности коров и воспроизводства поголовья крупного рогатого скота.

При анализе данного обряда нужно принять во внимание наличие и в башкирской демонологии сверхъестественных персонаже *Зэңке абей / Зэңке бабай* — покровителей людей и хозяев скота, которых умилостивляли различными подаяниями (*хэйер*). Так, башкиры Бурзянского района РБ верили, что *Зэңке абей/бабай* охраняют путников от всяких бедствий и неприятностей. Поэтому они при выходе человека в дальнюю дорогу желали ему, чтобы во время странствия его оберегали Занки-абей/бабай («*Зэңке бабай һаксы булһын!*») [10, с. 65]. По поверьям башкир Бураевского и Янаульского районов РБ, Большечерниговского, Большеглушицкого районов Самарской области, Перелюбского района Саратовской области, Бардымского района Пермского края, Нижнесергинского района Свердловской области, если летом выгнать скот в ночное со словами: «*Зэңке баба — һакла!*» («Занки-баба — защити!»), то с ним ничего плохого не случится [6, с. 57; 9, с. 174; 14, с. 219, 324, 344; 25, с. 240; 26, с. 83, 197].

Все это дает основание для вывода о том, что корни башкирского обряда «*Буыз коймағы*» и представлений о духе-покровителе скота *Занки аби/баба* генетически восходят к древним продуцирующим традици-

ям народов Поволжья, Южного Урала, Казахстана, Западной Сибири и Средней Азии, направленных на умилостивление Духа-патрона коров и размножение поголовья крупного рогатого скота.

Однако такой вывод, как нам кажется, не охватывает все проявления и ареал бытования суеверного отношения к молозиву и изготовленным из него продуктам. Во-первых, теонимы типа *Санге / Занге* был известен в прошлом не только вышеуказанным народам. У теленгитов (алтайцев) зафиксирован фетиш — изображение некоей «матери» с солярной символикой *Сангай-эне*. У манси *Сангэ* — мать всех людей, богиня-мать [27, с. 370–371]. Имя одного из небесных богов хантыйского пантеона, подателя жизненного начала — *Санге* [28, с. 62–63]. В бурятском пантеоне имеется богиня *Сахала/Сахали* — покровительница домашнего очага, семьи и деторождения. Теоним *Сахала/Сахали* транскрибируется и в форме *Санхалан / Занхалан*. В нанайском фольклоре присутствует божественное существо *Сэнгэ мама / Сангия мама* — лосиная мать, хозяйка зверей, дерева жизни и смерти.

В корейской религиозной традиции высшее божество, приносящее счастье человеку и обеспечивающее плодородие полей, носит имя *Сандже*. У народов мунда (Центральная Индия) на празднике первого вкушения риса нового урожая приносятся жертвы богам, в том числе верховному божеству *Синг богне*. У чингов (Мьянма) сохранился культ домашних духов *Зинг*. Они способны охранять общину, семью, дом, детей от болезней, воздействия «темных сил», неудач на охоте. Группа божеств, имена которых сочетаются с эпитетом «*Санг Хьянг*» («великий», «верховный», «всемогущий»), представлена в индуистской мифологии малайцев, яванцев, балийцев (Малайзия и Западная Индонезия). В верованиях даяков, жителей острова Калимантан (Западная Индонезия), значительную роль играют сверхъестественные антропоморфные существа *сангианги* — духи верхнего мира, первопредки, попечители людей, их защитники от происков злых раджей (духов), входят в женщину и оплодотворяют ее. В доисламских мифах бугисов острова Сулавеси (Индонезия) фигурирует божественная дева *Сангасерри*, превратившаяся после смерти в рис. У древних шумеров верховного жреца *Ура* называли словом «*Сангу*» (начало третьего тысячелетия до н.э.). А в Европе похожий теоним зафиксирован у древних италийцев. В частности, имя *Сангус* носил верховный бог неба, прародитель сабинов [20, с. 88, 179, 489, 494, 582].

К сожалению, мы не располагаем достаточными исследовательскими данными о культе этих богов или божественных существ. Поэтому у нас нет оснований для вывода об их единых генетических корнях. В то же время несомненно одно — все они выступают в роли первопредков, покровителей семьи, деторождения, животного и растительного мира и связаны с культом плодородия.

Во-вторых, народы Восточной и Юго-Восточной Африки также приписывали первому выдоенному от отелившейся коровы молоку некие особые свойства. У *тонга* (Замбия) молоко в первую неделю после отела коровы считалось священным и неприкосновенным, пока у теленка не отпала пуповина; в то же время его можно было кипятить и кормить им детей. Точно такой же обычай зарегистрирован у племени *бахима* (Уганда). Но у них в табуированный период мог пить молозиво только один из членов семьи. У *баганда* (Уганда) молоко, впервые выдоенное у коровы после отела, отдавалось пастушонку. Он относил его на пастбище, где показывал товарищам-пастухам отелившуюся корову и теленка. После этого они кипятили молозиво до тех пор, пока оно не превращалось в лепешку, которую все вместе съедали [29, с. 400–401].

По всей видимости, в обычаях африканских народов нашли отражение различные стороны сакрализации первого надоенного молока. Вполне допустимо, что у *тонга* разрешение детям пить табуированное молоко связано с представлениями о молозиве (олицетворение священной коровы, патрона племени) как об источнике жизни, способствующем «доделыванию» детей до уровня нормальных (т.е. взрослых) людей. Дж. Фрэйзер не указывает конкретно, кому же из членов семьи племени *бахима* не было запрещено употреблять в пищу молозиво. Если этим человеком был самый старый член африканской семьи, то разрешение пить запретное молозиво можно воспринимать как акт принесения в жертву предкам первого молочного продукта. А у *баганда* отношение к молозиву почти не отличается от вышеописанных традиций тюркских народов, в том числе от башкирского обычая «*Буыз коймағы*».

В-третьих, блины (лепешки) как ритуальный продукт были свойственны в прошлом не только охотничье-скотоводческим народам. И в традициях земледельческих народов причащение блинами было неотъемлемым элементом магических обрядов повышения плодородности растений, урожайности полей, возрождения производящих сил природы. Так, блины (лепешки) были обрядовой пищей в дни масленично-карнавальных торжеств у русских [30, с. 18], поляков, финнов, эстонцев, немцев, австрийцев, французов, нидерландцев, шведов, англичан, шотландцев [31, с. 38–39, 73, 91, 114, 125, 134, 141, 144, 165, 203].

Исследователи связывают эти обрядовые действия с поминальными жертвоприношениями умершим предкам накануне весеннего равноденствия. Жертвоприношения умершим предкам во время весенних календарных обрядов, знаменующих приход весны, были известны древним иранцам (*фравашии*), грекам (*анфестерии*) и римлянам (*parentalia*) [30, с. 18; 32, с. 115] и входили в число ритуалов, которые долж-

ны были содействовать оживлению природы, обеспечить ее плодородие в течение года.

По мнению В.Я. Проппа, корни подобных освященных веками обычаев связаны с античными представлениями о том, что «умершие якобы продолжали жить под землей и имели над ней большую власть, чем земледелец. Они из глубин земли могли воссылать урожай или неурожай, могли заставить землю родить или задержать ее силы. Поэтому и их надо умиловать» [30, с. 25].

Это логическое построение В.Я. Проппа вызывает определенные возражения. Как было отмечено выше, блины из молозива были ритуальной пищей в первую очередь у скотоводческих народов. С другой стороны, у древних людей понятие о переходе умерших в иной мир ассоциировалось не только с подземельем, но и с западом: у австралийцев, самоанцев, древних египтян, греков, кельтов, чилийцев, бразильцев, алгонкинов Северной Америки и других народов умершие «уходят», согласно их верованиям, на Запад [33, с. 323–331]. У древних скандинавов обиталище мертвых находится на Севере. У древних китайцев Страна Запада — царство мертвых. Как считает А.К. Салмин, понятия «запад», «смерть», «кладбище» иногда синонимичны [11, с. 138].

Блины, изготовленные из молозива, как было сказано выше, были не только заупокойной жертвенной пищей. Они, прежде всего, олицетворяли священную корову, тотемического первопродка — прародительницу (прообраз будущего племенного божества). А поедание блинов из молозива в свете тотемической идеологии — это магический акт причащения древних людей тотемом, пережиток обряда интичимы, способствующий, по их мнению, размножению тотемного животного, продолжению человеческого рода, повышению плодородия земли и возрождению природы.

Как известно, одомашнение крупного рогатого скота (коров) произошло раньше, чем возникло земледелие. Это дает повод для предположения о том, что блины из молозива стали ритуальной пищей первоначально у охотничье-скотоводческих сообществ древних людей, в том числе и у далеких предков башкир, а позднее этот обычай получил распространение и среди земледельческих народов.

Таким образом, отзвуки жертвенного умиловивления коров или их духов-покровителей проявляются и в башкирской обрядности, в частности, в обычае угощать своих родных, близких и соседей блинами из собранного в течение первых трех дней после отела коровы молозива («*Буыз коймағы*»). Истоки этого обычая башкир восходят к древнейшим тотемическим обрядам умиловивления, возрождения и размножения тотемного животного — коровы, пережитки которых обнаружены в бытовых традициях народов Европы, Азии и Африки.

Библиографический список

1. Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. М. : Наука, 1991. 189 с.
2. Сәғитов М. Боронғо башкорт кобайырҙары. Өфө: Башк. китап нәшр., 1987. 224 б. (на башк. яз.).
3. Сөләймәнов Ә.М. Башкорт халкының им-том һәм мөзәтти йола фольклоры // Башкорт фольклоры. Тикшеренеүҙәр һәм материалдар. Өфө: Ғилем, 1995. II сығарылыш. 204 б. (на башк. яз.).
4. Хисамитдинова Ф.Ф. Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010. 452 с.
5. Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа : Ғилем, 1998. 243 с.
6. Башкорт халыҡ ижады. Т. 1. Йола фольклоры. Өфө: Китап, 1995. 557 б. (на башк. яз.).
7. Намар, һарытау өлкәһе башкорттарының рухи хазинаһы. Өфө: Эшлекле династия, 2008. 284 б. (на башк. яз.).
8. Мигранова Э.В. Традиции питания башкир-гайнинцев // Башкиры-гайнинцы Пермского края: история, этнография, антропология, этногеомика. Уфа : Ғилем, 2008. С. 114–141.
9. Экспедиция материалдары-2006: Борай районы. (Материалдар һәм тикшеренеүҙәр) / Төз. Г.Р. Хөсәйенова, Р.Ә. Солтангәрәева, Г.В. Юлдыбаева, һ.б. Өфө: Эшлекле династия, 2008. 240 б. (на башк. яз.).
10. Экспедиция материалдары-2009: Бөрйән районы / Төз. Г.Р. Хөсәйенова, Г.В. Юлдыбаева, А.М. Хәкимйәнова. Өфө: РҒА ӨҒҮ ТТӘИ, 2011. 208 б. (на башк. яз.).
11. Салмин А.К. Система верований чувашей. Чебоксары : Изд-во Чувашского гос. ин-та гум. наук, 2004. 208 с.
12. Шарифуллина Ф. Касимовские татары. Казань : Татарское кн. изд-во, 1991. 125 с.
13. Хайрутдинова Т.Х. Генетические пласты в названиях пищи татарского языка // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность : труды Международной конференции. М. : ИНСАН, 1992. Т. 1. 286 с.
14. Тулвинские татары и башкиры. Этнографические очерки и тексты / отв. ред. А.В. Черных. Пермь : Пермское кн. изд-во, 2004. 456 с.
15. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культурные персонажи в традициях народного ислама Сибири: к изучению религиозного синкретизма в малых локальных культурных комплексах // Культурное наследие народов Сибири и Севера : материалы Пярых Сибирских чтений. СПб. : МАЭ РАН, 2004. Ч. 1. С. 147–155.
16. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003. 260 с.
17. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л. : Наука, 1971. 402 с.
18. Молотова Т.Л. Национальная пища марийцев в обрядах // Материальная культура башкир и народов Урало-Поволжья : материалы межрег. научно-практ. конф. Уфа : Ғилем, 2008. С. 254–263.
19. Колева Т.А. Георгиев день у южных славян // Советская этнография. 1978. № 2. С. 25–38.
20. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энц., 1991. 736 с.
21. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань : Татарское кн. изд-во, 1992. 206 с.
22. Кондыбай С. Казахская мифология : краткий словарь. Алматы : Нурлы Алем, 2005. 272 с.
23. Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. 3: История и культура. Из османской демонологии. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. 578 с.
24. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 240 с.
25. Рухи мираһ: Свердловск башкорттарының фольклоры. Өфө: Эшлекле дин., 2008. 260 б. (на башк. яз.).
26. Экспедиция материалдары-2005: Яңауыл районы / Төз. Г.Р. Хөсәйенова, Р.Ә. Солтангәрәева, Г.В. Юлдыбаева, А.М. Хәкимйәнова, Л.К. Сәлмәнова, Ф.Ф. Ғайсина. Өфө: РҒА ӨҒҮ ТТӘИ, 2009. 264 б. (на башк. яз.).
27. Соколова З.П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М. : Наука, 2009. 756 с.
28. Сағалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск : Наука, 1991. 154 с.
29. Фрээрер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете / перевод с англ. Д. Вольпина, предисл. и коммент. С.А. Токарева. М. : Политиздат, 1985. 512 с.
30. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 143 с.
31. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники / отв. ред. С.А. Токарев. М. : Наука, 1977. 355 с.
32. Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М. : Наука, 1971. 128 с.
33. Тейлор Э. Первобытная культура / перевод с англ., под ред., с предисл. и прим. В.К. Никольского. М. : Соцэкгиз, 1939. 568 с.

References

1. Bikbulatov N.V., Fatykhova F.F. *Family Life of the Bashkirs in the 19th–20th Centuries*. Moscow: Nauka Publ., 1991. 189 p. (In Russ.).
2. Sagitov M. *Ancient Epic Tales of the Bashkirs*. Ufa: Bashk. Book Publ. House, 1987. 224 p. (In Bash.).
3. Suleymanov A.M. *Conspiracies and Calendar and Household Rituals of the Bashkir People. Bashkir Folklore*. Ufa: Gilem Publ., 1995. Vol. 2. 204 p. (In Bash.).
4. Khisamitdinova F.G. *Mythological Dictionary of the Bashkir Language*. Moscow: Nauka Publ., 2010. 456 p. (In Russ.).

5. Sultangareeva R.A. *Family and Household Ceremonial Folklore of the Bashkir People*. Ufa: Gilem Publ., 1998. 243 p. (In Russ.).
6. *Bashkir Folk Art. Vol. 1. Ritual Folklore*. Ufa: Kitap Publ. House, 1995. 557 p. (In Bash.).
7. *Spiritual Treasures of the Bashkirs of the Samara and Saratov Regions*. Ufa: Del. Din. Publ., 2008. 284 p. (In Bash.).
8. Migranova E.V. Nutritional Traditions of the Bashkirs-Gainins. *Bashkirs-Gainins of Perm Region: History, Ethnography, Anthropology, Ethnogenomics*. Ufa: Gilem Publ., 2008. P. 114–141. (In Russ.).
9. *Expedition Materials-2006: Buraevsky District (Materials and Research)*. Ufa: Del. Din. Publ., 2008. 240 p. (In Bash.).
10. *Expedition Materials-2009: Burzyanskiy District*. Ufa: IHLL USC RAS Publ., 2011. 208 p. (In Bash.).
11. Salmin A.K. *The Belief System of the Chuvash*. Cheboksary: Publ. House of the Chuvash State Institute of Humanities, 2004. 208 p. (In Russ.).
12. Sharifullina F. *Kasimov Tatars*. Kazan: Tat. Book. Publ. house, 1991. 125 p. (In Russ.).
13. Khairutdinova T.Kh. Genetic Layers in the Names of Food in the Tatar Language. *Languages, Spiritual Culture and History of the Turks: Traditions and Modernity*. Proceedings of the International Conference. Moscow: INSAN Publ. House, 1992. Vol. 1. 286 p. (In Russ.).
14. *Tulvin Tatars and Bashkirs. Ethnographic Essays and Texts*. Ed. by A.V. Chernykh. Perm: Perm Book Publ. House, 2004. 456 p. (In Russ.).
15. Seleznev A.G., Selezneva I.A. Cult Characters in the Traditions of Folk Islam in Siberia: Towards the Study of Religious Syncretism in Small Local Cultural Complexes. *Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and the North*. Materials of the Fifth Siberian Readings. St. Petersburg: MAE RAS Publ. House, 2004. Part 1. P. 147–155. (In Russ.).
16. Butanaev V.Ya. *Burkhanism of the Turks of Sayano-Altai*. Abakan, 2003. 260 p. (In Russ.).
17. Abramzon S.M. *Kirghiz and Their Ethnogenetic and Historical-Cultural Connections*. Leningrad: Nauka Publ., 1971. 402 p. (In Russ.).
18. Molotova T.L. National Food of the Mari in Rituals. *Material Culture of the Bashkirs and Peoples of the Ural-Volga Region*. Ufa: Gilem Publ., 2008. P. 254–263. (In Russ.).
19. Koleva T.A. St. George's Day among the Southern Slavs. *Soviet Ethnography*. 1978. No. 2. P. 25–38. (In Russ.).
20. *Mythological Dictionary*. Ch. Ed. E.M. Meletinsky. Moscow: Sov. Enc. Publ. House, 1991. 736 p. (In Russ.).
21. Valeev F.T. *Siberian Tatars. Culture and Life*. Kazan: Tat. Book Publ. House, 1992. 206 p. (In Russ.).
22. Kondybai S. *Kazakh Mythology. Brief Dictionary*. Almaty: Nurly Alem Publ., 2005. 272 p. (In Russ.).
23. Gordlevsky V.A. *Selected Works. Vol. 3. History and Culture from Ottoman Demonology*. Moscow: Eastern Literature Publ. House, 1962. 578 p. (In Russ.).
24. Bayburin A.K. *Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites*. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993. 240 p. (In Russ.).
25. *Spiritual Heritage: Folklore of the Sverdlovsk Bashkirs*. Ufa: Del. Din. Publ., 2008. 260 p. (In Bash.).
26. *Expedition Materials-2005: Yanaulsky District*. Ufa: IHLL USC RAS Publ., 2009. 264 p. (In Bash.).
27. Sokolova Z.P. *Khanty and Mansi. A View from the 21st Century*. Moscow: Nauka Publ., 2009. 756 p. (In Russ.).
28. Sagalaev A.M. *Ural-Altai Mythology. Symbol and Archetype*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 154 p. (In Russ.).
29. Frazer J.J. *Folklore in the Old Testament*. Moscow: Politizdat Publ. House, 1985. 512 p. (In Russ.).
30. Propp V.Ya. *Russian Agrarian Holidays (an Attempt at Historical and Ethnographic Research)*. Leningrad: Leningrad University Publ., 1963. 143 p. (In Russ.).
31. *Calendar Customs and Rites in the Countries of Foreign Europe. Late 19th — Early 20th Century. Spring Holidays*. Ed. by S.A. Tokarev. Moscow: Nauka Publ., 1977. 355 p. (In Russ.).
32. Rapoport Yu.A. *From the History of Religion of Ancient Khorezm (Ossuaries)*. Moscow: Nauka Publ., 1971. 128 p. (In Russ.).
33. Taylor E. *Primitive Culture*. Moscow: Sotsekgiz Publ. House, 1939. 568 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Ф. Илимбетова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.

Information about the author

A.F. Ilimbetova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Ethnology Department, «Badge of Honor» Order Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre RAS, Ufa, Russia.